

Кайсын
КУЛИЕВ:

...И, ЧЕСТНО
ГОВОРЯ,
СТРАШНО-
ВАТО

— Когда мне позвонили из редакции с просьбой написать несколько слов о моей новой работе, я, не подумав, поступил опрометчиво — согласился. А когда понял свой промах, уже было поздно.

Мне кажется, что о своих сочинениях автору лучше ничего не говорить и не писать. Пусть их читают. И все же я не могу не выполнить своего обещания «Литературной газете».

Слагать стихи я начал с 10-летнего возраста. А лет с 30 мне всегда хотелось писать прозу. Не раз брался, но бросал. Во мне просыпался лирик, и я, махнув рукой на начатое, вновь покорялся привычному ладу стиха. Власть поэзии надо мной оставалась неодолимой. А все же желание писать прозу, попытаться изображать жизнь людей средствами, доступными только прозе, не покидало меня все эти годы. Наконец решив, что я сумел побороть в себе лирика, три года назад начал прозаическую вещь, крупную по объему, хотя на титульном листе и не обозначался жанр. И все-таки в процессе работы я понял, что окончательно изгонять лирику не было надобности. Если сказать очень коротко, суть моей книги можно определить так: это рассказ о тех бедствиях и страданиях, которые обрушились на наш народ минувшая война. Конкретно речь идет о страшном времени, когда гитлеровским захватчикам удалось добраться до ущелий Центрального Кавказа. Книга о тех небывалых тяготах, через которые прошли люди, — я рос среди них, — об их мужестве, стойкости и воле к жизни, о негибкости коммунистов и доблести советской молодежи. Эти люди, находясь над пропастью, говорили: «Все равно пройдем!». А еще ими было сказано: «Не волки нас одолеют, а мы их!». Написать о таких людях в наше грозное и сложное время мне показалось нужным и актуальным. Человеку необходим воздух мужества, в нем он нуждается повседневно. За эту

тему я взялся не потому, что к ней до сих пор не обращались писатели. Совсем не так. Я только захотел попытаться рассказать о событиях тех суровых лет по-своему, попробовать подойти к ним как-то с нетронутой, что ли, стороны. Темы сами по себе, разумеется, не могут быть ни старыми, ни избитыми. Таких понятий, по моему убеждению, для искусства не существует. Говоря по правде, каждый автор, выводя на бумаге свои строки, полагает, что он пишет что-то нужное людям и интересное. Это дает ему стимул трудиться, поддерживает, вселяя в него смелость и надежду. В противном случае он не мог бы писать. Признаться, и я долгие дни и месяцы сидел над рукописью, надеясь, что напишу что-то свое и заслуживающее внимания. Взяться за эту вещь меня побудила уверенность, что тех людей, о которых решил рассказать, никто не знает так, как я. И не может сказать того, что доступно мне, даже независимо от моих художественных возможностей. Завершить повествование я счел своим долгом не только перед моими земляками, которые живут рядом со мной, но и перед памятью погибших и ушедших. Встретиться с читателями в качестве начинающего прозаика в моем возрасте мне интересно и, честно говоря, страшно. Хотя писать я старался правдиво, просто, стремясь избегать красотостей, фальши и многословия. Хотел, чтобы был отчетливо виден суровый лик народных бедствий и человеческого мужества. Остановиться на названии «Была зима» я решил потому, что оно мне показалось самым подходящим — просто, без претензий.

Отношение любителей поэзии к моей лирике в какой-то степени мне известно. А как примут читатели мою прозу, не ведаю. Жду их суда с большим интересом и страхом. Роман собирается печататься журнал «Нева», а издательство «Современник» выпустит отдельной книгой.

Вот, собственно говоря, что я могу сказать о дебюте в новом для меня жанре.

Работу над рукописью я завершил к концу минувшего года, который был добр и милостив ко мне, дал силы и возможность трудиться.

Человеческая семья больше всего нуждается в мире и радости. Вот мое пожелание всем людям доброй воли в наступившем году:

Мир и радость вам,
живущие!
Не от ваших ли забот
Жизнь идет,
Земля цветет,
Существует
в мире сущее.
Мир и радость вам,
живущие!

пос. ЧЕГЕМ

Кит. версия, 1984, 4 экз.